

УДК 338.45

ББК 65.30

**ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ
ОСОБЕННОСТЕЙ СЕКТОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДСТВА
В НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ****Ю. В. Мелешко**

meleshkojv@gmail.com

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье анализируется секторальная структура производства, характеризующая его с точки зрения предмета труда, в контексте становления неоиндустриальной экономики. Рассмотрены теоретические аспекты производства как основы экономической системы общества, показано место и роль труда в производстве. Доказано, что для всесторонней характеристики производства как социально-экономического феномена необходимо раскрыть особенности его секторальной, технологической и организационно-управленческой структуры. Основываясь на историческом подходе, в статье описана трансформация секторальной структуры общественного производства, обусловленная научно-техническим прогрессом и развитием общества. Показано, что отличительной характеристикой секторальной структуры производства в неоиндустриальной экономике является сохранение за индустриальным сектором роли ключевого драйвера экономического развития при статистическом доминировании третичного сектора за счет опережающего развития услуг промышленного характера. Это позволило выявить направления формирования структурной политики как компонента стратегического планирования экономического развития.

Ключевые слова: производство, отраслевая структура, промышленность, сфера услуг, структурная политика, модернизация экономики, труд, экономическая система.

Введение. Производство как философский концепт представляет собой «активно-деятельностный способ бытия человека в мире» [1]. Такая трактовка термина «производство» позволяет отнести к нему не только производство средств к жизни (материальных, духовных), что раскрывает производство с точки зрения экономических дисциплин, но и производство самого человека («продолжение рода, воспроизводство человека как детерминированного культурой существа» [1]). В экономической теории преобладает более узкий подход к определению производства.

В советской политической экономии производство понималось как «процесс создания материальных благ, необходимых для существования и развития общества» [2]. Имеющий место в данном определении акцент на материальности создаваемых благ проистекает из постулата о примате материального производства, поскольку оно, по мнению Л. И. Абалкина и др., в конечном счете обуславливает «социальную структуру общества, его идеи и учреждения, развитие общества от низших ступеней к высшим» [2]. При этом подход к пониманию производства как процесса создания экономических благ сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Абстрагируясь от привязки к материальному проявлению результатов труда, некоторые советские авторы трактуют производство как «исходный пункт, в котором возникает, создается сам продукт и с которого начинается его движение. В процессе производства человек приспособливает вещества и силы природы к удовлетворению своих потребностей» [3, с. 57]. Преимуществом

такого определения является рассмотрение производства в контексте хозяйственной системы и обозначение его места как «исходного пункта» экономических отношений.

В современной экономической теории производство определяется как «регулируемый людьми процесс создания продуктов (изделий, энергии и услуг)» [4, с. 808]. Схожее определение, лишь дополненное указанием цели производства, предлагается в Словаре современной экономической теории Макмиллана: «Производство – акт преобразования факторов производства в товары и услуги, предназначенные для потребления и инвестиций» [5, с. 403]. В основе этих определений, как и определений советских авторов, приведенных выше, лежат две ключевых характеристики производства: во-первых, производство представляет собой процесс создания экономических благ; во-вторых, производство является отправной точкой экономического оборота. Вместе с тем, при описании производства только через данные характеристики складывается механистическое понимание производства как технологического процесса. Производство же, являясь частью экономической системы общества, является социально-экономическим феноменом и осуществляется только при условии взаимодействия людей.

Под производством как составным элементом социально-экономической системы общества следует понимать комплекс объективных отношений по поводу создания средств и благ для обеспечения физической жизни общества и материальной базы для всех остальных сфер общественной жизни. Целью производства является создание потребительных стоимостей, в последствии подлежащих распределению, перераспределению (обмену) и потреблению. В этом смысле производство выступает частью экономической системы общества, а именно первоначальной стадией хозяйственного оборота, находящейся в тесных двусторонних взаимосвязях с остальными стадиями.

Экономическая теория исходит из того, что содержательной основой производства выступает труд. А. М. Румянцев пишет: «Результатом труда всегда является продукт. С точки зрения своих конечных результатов труд выступает, таким образом, в качестве производительности труда, а процесс труда – в качестве процесса производства» [6, с. 31]. На этом основании процесс производства традиционно представляется как результат взаимодействия трех факторов, описывающих трудовые отношения с разных сторон: рабочая сила (совокупность физических и умственных способностей человека, используемых с целью производства благ), предметы труда (то, на что направлен труд) и средства труда (средство воздействия человека на предмет труда; к ним относятся орудия труда и условия производства). То есть производство представляет собой процесс воздействия рабочей силы средствами труда на предмет труда. Однако способы воздействия, сами средства труда и предметы труда будут значительно различаться в зависимости от выбранного исторического и социально-экономического контекстов. В. А. Медведев и др., отмечая это, пишут: «Производство вообще – это научная абстракция, представляющая собой совокупность основных всеобщих черт производства, не зависящих от его специфических социальных форм» [3, с. 37].

Для того, чтобы системно раскрыть особенности производства, сложившегося в конкретном обществе в определенный период времени, следует рассмотреть три характеристики производства: предмет труда, технологическая структура производства и организационно-управленческие отношения. Поскольку труд, как отмечает С. Ю. Солодовников, «представляет собой особый вид субъектно-объектных отношений, а также содержит в себе специфическую совокупность внутрисубъектных отношений» [7, с. 65–66], то производственных отношениях также включают в себя и субъект-объектные отношения, и объект-объектные. Предмет труда и технологическая структура производства являются основой для субъект-объектных отношений, формирующихся в процессе производства. Организационно-управленческие отношения возникают между

субъектами в процессе производства и носят субъект-субъектный характер. Субъект-объектные отношения изменяются сразу же с технологиями производства и влекут трансформацию организационно-управленческих отношений. Последние, несмотря на изначальную предопределенность технологической структурой производства, в зависимости от конкретно-исторических, национальных и иных условий могут принимать различные формы и в этой части обладают относительной самостоятельностью.

Результаты и их обсуждение. Предмет труда выступает в качестве критерия при определении секторальной и отраслевой структуры производства. А. М. Румянцев указывает на историчность «расчленения народного хозяйства на ряд различных отраслей»: «В процессе исторического развития общества эти отдельные сферы и отдельные отрасли общественного производства приобретают в границах общего развития общественных отношений такой размах и характер, что неизбежно возникает известная самостоятельность их в экономическом обслуживании общества» [6, с. 10]. Выделение конкретных секторов (отраслей) обусловлено развитием самого производства, объективной действительностью времени. Меркантилисты, считая источником умножения богатства сферу обращения, выделяли в качестве основных секторов экономики торговлю и денежный оборот. Физиократы исходили из того, что богатство создается не в сфере обращения, а в сфере производства, но относили к производству только сельское хозяйство, а именно земледелие. Именно с них началось разделение общественного хозяйства на производственную и непроизводственную сферу, содержание которых по мере развития научно-технического прогресса и производственной системы общества, однако, менялась. Начиная с работ В. Петти, А. Смита и Д. Рикардо центром производственной сферы становится промышленность. За ней признается роль не только основного источника богатства, но и базы для остальных отраслей хозяйства. По мнению классиков политической экономии к производственной сфере относятся те виды деятельности, которые создают материальную продукцию.

В рамках марксистского подхода сохраняется трактовка производительного труда как создание овеществленного товара на стадии производства. Однако К. Маркс к производственному сектору относит помимо земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности еще и транспортную деятельность, что отличает его в этом вопросе от А. Смита. К непроизводительному труду относят торговую, государственную, политическую, юридическую, банковскую, военную, религиозную деятельности.

Разделение хозяйства на два сектора – производственный и непроизводственный, – основанное на выделении материального или нематериального характера результатов труда имеет место и в советской политической экономии. Однако подход к пониманию производственного труда был переосмыслен: производственными стали признаваться не только отрасли, создающие материальный продукт, но и отрасли, «являющиеся продолжением процесса производства» [8, с. 335] и способствующие «использованию созданных продуктов для удовлетворения общественных потребностей» [8, с. 335] – материальные услуги. Под производственной сферой понималась «совокупность отраслей народного хозяйства, объединяющая материальное производство и материальные услуги» [8, с. 335]. Такие услуги как торговля, транспорт, связь, материально-техническое снабжение, общественное питание были отнесены наравне с промышленностью, сельским хозяйством, лесным хозяйством, строительством к материальному производству, так как считались составной частью процесса производства материальных благ. К непроизводственной сфере относили жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание населения, пассажирский транспорт, связь, здравоохранение, физическую культуру и социальное обслуживание, просвещение, культуру, искусство, науку и научное обслуживание, управление. А. М. Румянцев пишет: «Главные отрасли приложения

человеческого труда – это промышленность, сельское хозяйство и транспорт – в сфере производства, торговля и финансы – в сфере распределения» [6, с. 10]. Такая секторальная и отраслевая структура (предполагающая разделение народного хозяйства на производственный и непроизводственный сектор и относящее к производственному сектору отрасли, производящие материальные блага и оказывающие материальные услуги) является отражением доминирующей роли промышленности в практике экономических отношений того периода.

Теоретические подходы к структурированию экономики в зависимости от предмета труда были значительно переосмыслены в связи с появлением работ А. Маршалла, который считал нецелесообразным разделение труда на производительный и непроизводительный, так как в результате труда человек так или иначе преобразовывает материю с целью удовлетворения потребностей. В результате таких рассуждений сфера услуг была выделена наравне с сельским хозяйством и промышленностью как самостоятельная сфера общественного производства. В период с 1935 г. по 1949 г. А. Фишером, К. Кларком и Ж. Фурастье была разработана трехсекторная модель экономики, согласно которой экономика состоит из трех секторов: добыча сырья (первичного), производственного сектора (вторичного) и сферы услуг (третичного). Указанные авторы считали, что исторически преимущественное развитие сначала получает первичный сектор экономики, затем вторичный и наконец третичный в соответствии с изменениями в структуре потребительского спроса по К. Кларку или в соответствии с изменениями в структуре занятости по Ж. Фурастье. Переход доминирующего положения от первичного сектора ко вторичному рассматривается как переход общества от доиндустриальной (аграрной) к индустриальной стадии развития, от вторичного к третичному – от индустриальной к следующей, более продвинутой – постиндустриальной стадии. По мнению указанных авторов, эти три стадии развития проходит каждая страна по мере роста доходов. Теоретическая модель трехсекторной экономики легла в основу постиндустриальной концепции экономического развития, основывающейся на доминировании третичного сектора в общественном производстве. Практической основой для этой концепции стал резкий рост объема оказываемых услуг в экономике, обусловленный увеличением уровня доходов домашних хозяйств и ростом спроса на сервисные услуги, наблюдаемые в последней трети XX века в Европе и США. Следует отметить, что в советской политической экономии более позднего периода также признавалась возрастающая роль услуг, однако только услуг, связанных с промышленностью, что и отражается в отнесении к производственному сектору материальных услуг. В этой части советские экономисты, настаивающие на сохранении индустриального сектора в качестве базиса экономического развития, расходятся во мнении с западными.

Изменение структуры экономик развитых стран и мировой экономики в целом в сторону увеличения доли услуг (по показателям занятости и ВВП) породило множество дискуссий о переходе роли главного источника экономического роста в современной экономике от индустриального сектора к сфере услуг. Ссылаясь на статистические изменения в пользу третичного сектора, некоторые экономисты делают вывод о деиндустриализации экономики. Формально с ними можно согласиться, поскольку доля промышленности (включая строительство) в мировом ВВП по добавленной стоимости в 1994 г. оставляла 33,3%, в 2016 г. она упала до 25,4% [9]. Однако не все экономисты с этим согласны: «Ошибочны предположения, что в связи с увеличением роли сферы услуг в экономике, будет происходить пропорциональное снижение роли промышленного сектора в объеме ВВП в стоимостном выражении» [10, с. 184], – справедливо отмечает Т. В. Сергиевич.

Во-первых, не следует преувеличивать универсальность тенденции: снижение доли промышленного производства в секторальной структуре характерно, в первую очередь, для стран с высоким уровнем доходов. В соответствии с методологией Всемирного банка к ним относятся страны, в которых ВНД на душу населения в 2016 г. составил 12 235 долл. США или более. В период с 2000 г. по 2016 г. в странах с высоким уровнем доходов доля промышленности в ВВП по добавленной стоимости снизилась с 26,4% до 22,9% [11]. Внутри группы стран с высоким уровнем доходов темпы снижения доли промышленности в ВВП примерно одинаковы: в Европейском союзе – 3,2% (с 25,1% в 2000 г. до 21,9% в 2017 г.); в Северной Америке – 3,5 % (с 22,3% в 2000 г. до 18,8% в 2016 г.). Для стран с низким уровнем дохода в целом характерна обратная тенденция – доля промышленности в ВВП по добавленной стоимости растет. В 1990 г. этот показатель составлял 20%, в 2000 г. – 25%, в 2016 г. вырос до 29,7% [12].

Одна из причин географической неоднородности структуры производства заключается в переносе стадий производства промышленной продукции из стран с высоким уровнем дохода в страны с низким уровнем дохода. Как пишут А. А. Быков и А. М. Седун, «процессы расширения третичного сектора в странах Запада протекали параллельно с индустриализацией стран Востока, в том числе посредством переноса в восточные страны производственных мощностей, ранее базировавшихся в США и Европе» [13, с. 7]. Выводя менее доходные и экологически нагруженные производства за рубеж и оставляя за собой такие виды деятельности как научную и опытно-конструкторскую разработку, маркетинговое и сервисное обслуживание продукции, финансовые услуги (то есть виды деятельности с наибольшей долей добавленной стоимости), экономически развитые страны добились полного доминирования сектора услуг.

Во-вторых, анализируя статистические изменения соотношения сектора услуг и промышленного производства, необходимо учитывать причины таких изменений. В зависимости от того, вызвано ли уменьшение удельного веса промышленности в ВВП ростом сектора услуг или стагнацией промышленного производства, характер структурных изменений будет кардинально отличаться. О. С. Сухарев и Е. Н. Ворончихина отмечают, что в западных странах «рост сектора услуг сопровождается увеличением интеллектуального капитала, что становится закономерным результатом индустриальной революции» [14, с. 30–31]. Выводы о деиндустриализации экономик этих стран базируются лишь на росте статистических показателей доли сектора услуг в общем объеме создаваемого продукта в стране. Указывая на методологическую ошибку, заключающуюся в отождествлении отраслевой и технологической структуры труда, данные авторы справедливо называют «деиндустриализацию западного типа» условной. По мере возрастания доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности, доля третичного сектора также возрастает за счет услуг промышленного характера, развивающихся опережающими темпами. Это, однако, не означает снижение роли промышленного производства в экономическом развитии страны; реальный сектор экономики остается базисом экономического роста.

В противоположность этому если «... доля сектора услуг в валовом продукте страны растет при исчезновении отдельных производственных секторов, уменьшении интеллектуального капитала, снижении общего уровня технологичности, то это совершенно иной тип деиндустриализации. Он был характерен для российской экономики в 1990-е годы» [14, с. 31–32]. В этом случае структурные изменения являются следствием упадка промышленного сектора, проявляющегося, в том числе, в сокращении объемов промышленного производства как в натуральных, так и в долевых показателях. Рост третичного сектора при этом обеспечивается преимущественно за счет спекулятивных услуг.

Таким образом, под деиндустриализацией следует понимать увеличение доли третичного сектора в структуре экономики, обусловленное ростом услуг, не связанных с реальным сектором экономики. Говорить о деиндустриализации как о тенденции развития мирового хозяйства неправомерно. Трансформация процесса промышленного производства, одним из последствий которого является рост сферы услуг за счет опережающего развития услуг промышленного характера, свидетельствует о модернизации промышленности, поскольку такие изменения «касаются не отраслевой, а технологической основы производственных процессов» [15]. Повышение уровня технологичности и наукоемкости производства, то есть изменение его технологической основы, лежит в основе формирования новой модели индустриального развития.

В экономическом дискурсе для обозначения экономики, базирующейся на современном промышленном производстве, используются различные дефиниции: «неоиндустриальная экономика» [16], «сверхиндустриальная экономика» [17], «Индустрия 4.0» [18] и т.п. В. Т. Рязанов характеризует политико-экономический смысл неоиндустриализации следующим образом: «Он выражается в нацеленности на возрождение ведущей роли реального сектора, эффективное функционирование которого поддерживается и обеспечивается финансовым сектором. За этим стоит признание приоритетности производственного капитала, а не спекулятивного, ставка на созидательный и творческий труд, создающий реальные блага для личного и общественного потребления и обеспечивающий условия для достойной занятости» [19, с. 68–69]. Акцент на создание реальных благ и отказ от спекуляции как от основного источника экономического роста является, наряду с высокотехнологичным и наукоемким промышленным производством, неотъемлемой частью неоиндустриальной концепции.

Значение промышленного производства в неоиндустриальной экономике обусловлено, как отмечается в докладе Национального исследовательского института Высшей школы экономики, высоким абсолютным уровнем производительности труда, а также развитостью прямых и обратных межотраслевых связей [20, с. 12]. По мнению О. С. Сухарева и Е. Н. Ворончихиной, роль промышленности в современной экономике возрастает: «хотя новой модели индустриального развития присуще снижение доли промышленности в ВВП, но значение "технологической" индустриализации резко возрастает. Например, в Европейском союзе около 17% ВВП приходится на промышленность, которая создает 32 млн. рабочих мест (Tsai, 2018). Одновременно конкуренция со стороны развивающихся стран вытесняет промышленное производство в Европе (Andergassen et al., 2017). Суммарная доля промышленности в ВВП Китая, Индии и Бразилии составляет более 40% (Romano, Trau, 2017). В западноевропейских странах в 1990–2000-е годы доля промышленности в ВВП снизилась с 36 до 25% на фоне резкой интенсификации внедрения новых технологий (Fu et al., 2011)» [14, с. 30–31]. Следует согласиться с О. С. Сухаревым и Е. Н. Ворончихиной в том, что изменение характера производства и формирование «новой модели индустриального развития» будет способствовать дальнейшему увеличению значения промышленности. При этом необходимо подчеркнуть, что статистически в структуре экономики доминирующее положение будет сохраняться за третичным сектором, поскольку новый индустриальный тип хозяйствования требует опережающего развития услуг промышленного характера. Иными словами, особенность секторальной структуры неоиндустриальной экономики заключается в сохранении за промышленным производством роли ключевого драйвера экономического развития при статистическом доминировании третичного сектора за счет опережающего развития услуг промышленного характера.

Переход к новой модели индустриального развития вызвал в странах «золотого миллиарда» реиндустриализацию (решоринг), то есть возврат ранее переданных третьим

странам производств (после получения экономического и экологического выигрыша). С. Ю. Солодовников пишет: «После длительного перерыва в Западных странах под влиянием мирового финансового кризиса и бурного экономического развития новых индустриальных государств возрождается интерес к проблемам развития реального сектора экономики в контексте обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, обеспечения ее устойчивости в условиях мирохозяйственной нестабильности» [21, с. 43]. В последнее десятилетие страны активно разрабатывают национальные стратегии развития промышленности: «в России была принята Национальная технологическая инициатива, в Германии – Industrie 4.0, в Китае – China Manufacturing 2025, на уровне Европейского союза – Digitising European Industry Strategy, в Великобритании – Building our Industrial Strategy» [22, с. 318]. Каждая их программ имеет национальную специфику, обусловленную «исходным индустриально-технологическим уровнем, задачами экономического развития, моделями их экономического роста и потенциалом их технических изменений (Su, Moaniba, 2017), на который оказывают влияние различные структуры, институты, циклические колебания (Coccia, 2018), наличие ресурсов, состояние системы образования и науки и другие факторы» [14, с. 31]. Общей для них является теоретико-методологическая база, в качестве которой принята концепция неоиндустриализации.

Успех построения новой индустриальной экономики напрямую зависит от проводимой структурной политики государства, являющейся «важнейшим компонентом стратегического планирования хозяйственной деятельности на уровне общества» [23, с. 84]. Основой структурной политики в контексте новой индустриализации должен стать сверхиндустриальный промышленный уклад, на котором основываются и традиционные, и новейшие отрасли экономики. Последовательное приведение структурной политики в жизнь требует современной системы государственного планирования и управления, с широким привлечением к этому процессу институтов общественно-государственно-частного партнерства и мобилизации для этого процесса необходимых социальных, человеческих, материальных, финансовых, предпринимательских и институциональных ресурсов [24], – отмечает С. Ю. Солодовников. В своих исследованиях указанный автор пришел к выводу, что «предпосылками и объективными ограничителями проведения современной структурной политики по-прежнему выступает состояние и перспективы развития социально-научного сообщества» [25, с. 110].

Процесс новой индустриализации и структурная политика государства находятся в тесной взаимосвязи, и первое, и второе претерпевают изменения под воздействием друг друга. Как пишет С. Ю. Солодовников, по мере реализации структурной политики будет эволюционировать «не только этот сектор, его технико-технологическая база, но и сама структурная политика» [23, с. 86]. При этом «новая индустриализация (иначе говоря, технико-технологическая и институциональная модернизация реального сектора экономики), развивая производственные способности и потребности индивидов, сама будет выступать важным фактором, определяющим границы, направления и темпы структурной эволюции экономики» [24]. Структурная политика требует постоянного мониторинга эффективности и корректировки по мере углубления модернизации экономики. Выбор конкретных видов деятельности в качестве направлений структурной политики должен быть научно обоснован и учитывать научный и технический потенциал национального промышленного комплекса. Так, С. Ю. Солодовников указывает, что «если структурная политика государства направлена на научно обоснованное опережающее развитие услуг промышленного характера, то модернизация реального сектора экономики будет проходить быстрее, последовательнее и потребует относительно меньших издержек, чем в случае, когда структурная политика ориентируется на достижение мифологизированной (т. е. научно не обоснованной) цели достижения шестого, седьмого

или ещё какого-то более высокого технологического уклада в стремлении идти по пути экономически развитых стран» [26, с. 61]. Это обуславливает критическую зависимость эффективности структурной политики от уровня развития социально-научного сообщества, от наличия как фундаментальной, так и прикладной науки. В целом же, в качестве направления структурной политики следует выбирать поддержку не конкурентной технологии, а ключевых компетенций и человеческого капитала, которые будут востребованы при разных сценариях технологического развития.

Выводы. Учитывая, что содержательной основой общественного производства выступает труд, то для того, чтобы системно раскрыть особенности производства, сложившегося в конкретном обществе в определенный период времени, следует рассмотреть структуру производства с секторальной (предмет труда), технологической (орудия труда) и организационно-управленческой (способ воздействия человека орудием труда на предмет труда) точек зрения. По мере общественного развития предмет труда, а следовательно и секторальная структура производства, претерпевали изменения. На смену подходу к разделению экономики на производственный и непроизводственный сектор (содержательная характеристика которых также менялась) пришла трехсекторная модель общественного производства. Статистический рост сектора услуг, характерный для мировой экономики в целом, породил множество дискуссий о деиндустриализации как новом этапе общественного развития. Однако, говорить о деиндустриализации как о мировой тенденции, неправомерно, поскольку, во-первых, данная тенденция не носит универсальный характер (рост третичного сектора в структуре ВВП характерен, как правило, для стран с высоким уровнем доходов, в странах с низким уровнем дохода наблюдается обратная тенденция – рост доли индустриального сектора), во-вторых, в зависимости от причин роста сферы услуг деиндустриализация может быть реальной или носить условный характер. Вывод о деиндустриализации экономики, базирующийся лишь на росте статистических показателей доли сектора услуг в общем объеме создаваемого продукта, является результатом методологической ошибкой, заключающейся в отождествлении отраслевой и технологической структуры труда. В неоиндустриальной экономике, основанной на высокотехнологичном и наукоемком реальном секторе, рост услуг обусловлен не спекулятивными финансовыми услугами, а услугами промышленного характера. В силу высокого уровня производительности труда, а также развитостью прямых и обратных межотраслевых связей промышленное производство по-прежнему остается базой экономического развития. Изменяющаяся технологическая основа производства требует опережающего роста услуг промышленного характера, которые обеспечивают повышение уровня технологичности и наукоемкости как новых, так и традиционных отраслей промышленности. Таким образом, особенностью секторальной структуры неоиндустриальной экономики является сохранение за промышленным производством роли ключевого драйвера экономического развития при статистическом доминировании третичного сектора за счет опережающего развития услуг промышленного характера.

Список использованных источников

1. Производство // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. – 1008 с.

2. Производство // Политическая экономия / Л. И. Абалкин, Е. М. Аветисян, М. М. Авсенева

[и др.]. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 494 с.

3. Политическая экономия / В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев [и др.]. – М.: Политиздат, 1990. – 735 с.

4. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: И-т новой экономики, 2002. – 1280 с.

5. Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 608 с.
6. Румянцев, А. М. О предмете политической экономии / Высш. Парт. Школа при ЦК КПСС. Кафедра полит. Экономии. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 2960. – 126 с.
7. Солодовников, С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С. Ю. Солодовников. – Мн.: 2003. – 274 с.
8. Производственная сфера // Политическая экономия / Л. И. Абалкин, Е. М. Аветисян, М. М. Авсенов и др. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 494 с.
9. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – Mode of access: - data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?end=2017&start=1960&view=chart – Date of access: 10.01.2019.
10. Сергиевич, Т. В. Роль промышленности в экономическом развитии Республики Беларусь в контексте перехода к постиндустриальному обществу / Т. В. Сергиевич // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов IX Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 184–186.
11. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=N.V.IND.TOTL.ZS&country=#>. – Date of access: 10.01.2019.
12. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank/ Mode of access: www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=N.V.IND.TOTL.ZS&country=#. – Date of access: 10.01.2019.
13. Быков, А. А. Перспективы пост- и неиндустриального развития в условиях возможной трансформации системы международного разделения труда / А. А. Быков, А. М. Седун // Белорусский экономический журнал. – 2015. – №2. – С.4-23.
14. Сухарев, О. С. Факторы экономического роста: эмпирический анализ индустриализации и инвестиций в технологическое обновление / О. С. Сухарев, Е.Н. Ворончихина // Вопросы экономики. – 2018. – №6. – С. 29-47.
15. Зеленская, О. А. Формулирование новой парадигмы конкурентоспособности: кластерно-сетевой подход / О. А. Зеленская // Terra Economicus. 2011. –Т. 9. –№ 1–2. – С. 17–20.
16. Губанов, С. Державный прорыв / С. Губанов. – М. : Книжный мир, 2012. – 223 с.
17. Симченко, Н. А. Трансформация моделей трудовой мотивации в условиях модернизации экономики России и Беларуси / Н. А. Симченко, С. Ю. Солодовников // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации: сборник трудов международной научной конференции. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. – 2016. – С.100–103.
18. Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.
19. Рязанов, В. Т. Экономическая стратегия России: неоиндустриальный императив / В. Т. Рязанов // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. – Екатеринбург, 2018. – С. 62–81.
20. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка/ Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. – 2018. – №6. – С. 5–28.
21. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С.42–48.
22. Горбачева, Н. В. Оценка экономического неравенства в государственно-частных партнерствах в промышленности / Н. В. Горбачева // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2018. – Т.34. Вып. 2. – С. 317–339.
23. Солодовников, С. Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2018. – № 7. – С. 84-94.
24. Солодовников, С. Ю. Противоречие между структурной политикой государства и текущими целями предприятий в условиях модернизации реального сектора белорусской экономики / С. Ю. Солодовников // Менеджмент предпринимательской деятельности: материалы XVI Междунар. научн.-практ. конф. преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – 2018. – С. 346–350.

25. Солодовников, С. Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 1 (11). – С. 5-10.

26. Солодовников, С. Ю. Структурная политика и модернизация реального сектора / С. Ю. Солодовников // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2018. – № 20 (25). – С. 58–65.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2019 года

FORMATION OF STRUCTURAL POLICY TAKING INTO ACCOUNT THE FEATURES OF SECTORAL STRUCTURE OF PRODUCTION IN A NEO-INDUSTRIAL ECONOMY

Yu.V. Meleshko

meleshkojv@gmail.com

PhD in Economics,

Associate Professor of the Department of Economics and Law

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the sectoral structure of production, which characterizes it in terms of the subject of labor, in the context of the formation of a neo-industrial economy. The theoretical aspects of production as the basis of the economic system of society are considered, the place and role of labor in production is shown. It is proved that for a comprehensive description of production as a socio-economic phenomenon, it is necessary to reveal the features of its sectoral, technological, and organizational and management structure. Based on the historical approach, the article describes the transformation of the sectoral structure of social production, due to scientific and technological progress and the development of society. It is shown that the distinctive characteristic of the sectoral structure of production in the neo-industrial economy is the preservation of the role of the key driver of economic development for the industrial sector, with the statistical dominance of the tertiary sector due to the priority development of industrial services. This made it possible to identify directions for the formation of structural policies as a component of strategic planning for economic development.

Key words: *production, industry structure, industry, services, structural policy, modernization of the economy, labor, economic system.*

References

1. Proizvodstvo // Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar': filosofija, sociologija, religija, politjekonomija / Glavn. nauch. red. i sost. S.Ju. Solodovnikov. – Mn.: MFCP, 2002. – 10008 s.

2. Proizvodstvo // Politicheskaja jekonomija / Abalkin L. I., Avetisjan E. M., Avsenev M. M. i dr. – 2-e izd. – M.: Politizdat, 2981. – 494 s.

3. Politicheskaja jekonomija / Medvedev V.A., Abalkin L. I., Ozherel'ev O. I. i dr. – M.: Politizdat, 1990. – 735 s.

4. Bol'shoj jekonomicheskij slovar' / Pod red. A.N. Azrilijana. – 5-e izd.dop. i pererab. – M.: Institut novoj jekonomiki, 2002. – 1280 s.

5. Slovar' sovremennoj jekonomicheskij teorii Makmillana. – M.: INFRA-M, 1997. – 608 s.

6. Rumjancev, A. M. O predmete politicheskij jekonomii / Vyssh. Part. Shkola pri CK KPSS. – M.: Izd-vo VPSH i AON, 2960. – 126 s.

7. Solodovnikov, S.Ju. Transformacija social'no-klassovoj struktury belorusskogo obshhestva: metodologija, teorija, praktika / S.Ju. Solodovnikov. – Mn.: 2003. – 274 s.

8. Proizvodstvennaja sfera // Politicheskaja jekonomija / Abalkin L. I., Avetisjan E. M., Avsenev M. M. i dr. – 2-e izd. – M.: Politizdat, 1981. – 494 s.

9. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?end=2017&start=1960&view=chart>

10. Sergievich, T. V. Rol' promyshlennosti v jekonomicheskom razvitii Respubliki Belarus' v kontekste perehoda k postindustrial'nomu obshhestvu / T. V. Sergievich // Ustojchivoe razvitie jekonomiki: sostojanie, problemy, perspektivy: sbornik trudov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. - 2015. - S. 184-186.

11. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NV.IND.TOTL.ZS&country=#>

12. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank/ - <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NV.IND.TOTL.ZS&country=#>

13. Bykov, A. A. Perspektivy post- i neoindustrial'nogo razvitija v uslovijah vozmozhnoj transformacii sistemy mezhdunarodnogo razdelenija truda / A. A. Bykov, A. M. Sedun // Belorusskij jekonomicheskij zhurnal. – 2015. - №2. – S.4-23.

14. Suharev, O.S. Faktory jekonomicheskogo rosta: jempiricheskij analiz industrializacii i investicij v tehnologicheskoe obnovenie / O.S. Suharev, E.N. Voronchihina // Voprosy jekonomiki. – 2018. – №6. – S. 29-47.

15. Zelenskaja, O. A. Formulirovanie novoj paradigmy konkurentosposobnosti: klasterno-setevoj podhod/ Zelenskaja O. A. // Terra Economicus. 2011. T. 9. № 1-2. S. 17-20.

16. Gubanov, S. Derzhavnyj proryv / S. Gubanov. – M.: knizhnyj mir, 2012. – 223s.

17. Simchenko, N.A. Transformacija modelej trudovoj motivacii v uslovijah modernizacii jekonomiki Rossii i Belarusi / N. A. Simchenko, S.Ju. Solodovnikov // Metodologija ustojchivogo jekonomicheskogo razvitija v uslovijah novoj industrializacii: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo. – 2016. – S.100-103.

18. Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.

19. Rjazanov, V.T. Jekonomicheskaja strategija Rossii: neoindustrial'nyj imperativ / V. T. Rjazanov // Novaja industrializacija Rossii: strategicheskie prioritety strany i vozmozhnosti Urala. - Ekaterinburg, 2018. - S. 62-81.

20. Strukturnaja politika v Rossii: novye uslovija i vozmozhnaja povestka/ Doklad NIU VShJe // Voprosy jekonomiki. – 2018. – №6. – S. 5-28.

21. Solodovnikov, S. Ju. Sovremennaja strukturnaja politika i krizis nanoindustrii / S. Ju. Solodovnikov // Pravo. Jekonomika. Psihologija. - 2017. - № 3 (8). - S. 42-48.

22. Gorbacheva, N.V. Ocenka jekonomicheskogo neravenstva v gosudarstvenno-chastnyh partnerstvach v promyshlennosti / N.V. Gorbacheva // Vestnik SPbGU. Jekonomika. – 2018. – T.34. Vyp. 2. – S. 317-339.

23. Solodovnikov, S. Ju. Vzaimosvjaz' strukturnoj politiki gosudarstva i modernizacii real'nogo sektora jekonomiki // Jekonomicheskaja nauka segodnja. - 2018. - № 7. - S. 84-94.

24. Solodovnikov, S. Ju. Protivorechie mezhdju strukturnoj politikoj gosudarstva i tekushhimi celjami predpriyatij v uslovijah modernizacii real'nogo sektora belorusskoj jekonomiki / Solodovnikov S. Ju. // Menedzhment predprinimatel'skoj dejatel'nosti: matly XVI Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. prepodavatelej, doktorantov, aspirantov i studentov. - 2018. - S. 346-350.

25. Solodovnikov, S. Ju. Novaja strukturnaja politika i izmenenie institucional'noj dinamiki nanoindustrii / S. Ju. Solodovnikov // Resursy Evropejskogo Severa. Tehnologii i jekonomika osvoenija. - 2018. - № 1 (11). - S. 5-10.

26. Solodovnikov, S. Ju. Strukturnaja politika i modernizacija real'nogo sektora / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik KRAGSiU. Serija: Teorija i praktika upravlenija. - 2018. - №20(25).- S.58-65.